

л 2006

912 к

1200

КОЧЕВНИКИ ЕВРАЗИИ

В КАЛЕЙДОСКОПЕ
ВЕКОВ И ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Ж. О. А Р Т Ы К Б А Е В

Творческое объединение
«Астана-Север»

Артыкбаев Ж.О.

**КОЧЕВНИКИ
ЕВРАЗИИ
в калейдоскопе веков
и тысячелетий**

Санкт-Петербург
«Мажор»
2005

ББК 63.3(2К)873
А37

Артыкбаев Ж.О.

Кочевники Евразии (в калейдоскопе веков и тысячелетий). – СПб.: Мажор, 2005. – 320 с.

В монографии автор дал развернутую картину истории Великой степи с древнейших времен до начала XV века. Основная задача автора – показать структурообразующую роль кочевых обществ Центральной Азии в евразийском пространстве на протяжении многих веков и тысячелетий. Одновременно в книге даны основные параметры этносоциальной структуры кочевого мира. Мощная система социальных, политических, хозяйственно-культурных ценностей определяет доминирующую роль кочевников на просторах Старого Света.

ISBN 5-98221-002-1

© Артыкбаев Ж.О., 2005

© «Астана-Север», оформление, 2005

© ООО «Мажор», 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

В силу различных обстоятельств мне всегда приходилось заниматься изучением проблем этносоциальной структуры кочевников. Вначале это было казахское общество в XIX веке, затем казахское общество в XVIII веке и т.д.

В 1997 году, во время защиты моей докторской диссертации по этносоциальной структуре казахского общества XVIII века, моими коллегами были высказаны пожелания о необходимости широкой апробации теории и методов этносоциологических исследований в изучении истории казахского общества. Такая задача представлялась мне легко выполнимой.

По мере углубления в тему и накопления материалов стали возникать проблемы. Во-первых, из-за отсутствия каких-либо серьезных гипотез и исследований по этносоциальным институтам казахского общества. Во-вторых, из-за недостаточной разработанности одного из базовых источников по данной теме – устной традиции казахов.

Попытки изучения казахского общества в вышеуказанных хронологических границах с опорой на национальные источники приводят к осознанию необходимости проработок вопросов, связанных с периодизацией. Имеющиеся периодизации истории Великого степного пояса не укладываются в схемы мировой истории. Важность периодизации заключается в том, что она, несмотря на кажущуюся условность, в исторической науке выполняет интеллектуальную, гносеологическую функцию. Хорошо разработанная периодизация – это, прежде всего, логика исторического процесса, его зримый ход, можно сказать – формула.

Еще одна не менее важная проблема Отечественной исторической науки заключалась в том, что история Казахстана рассматривалась в отрыве от остального мира и, прежде всего, от истории Центральной Азии. Теория и практика российской историографии и небоскреб европейской исторической науки стоят над самосознанием историков национальных

окраин, и эта зависимость выражается, прежде всего, в так называемом европоцентризме, или даже в оседлоцентризме. Естественным желанием постколониального сознания казахского народа освободиться от этой зависимости пользуются многочисленные дилетанты, превратившие это дело в выгодное ремесло. Определенная абсурдизация исторического материала уже присутствует в нашем современном обществе. В целом, этот абсурд представляется мне необходимым звеном развития науки.

История степного мира связана как с Востоком, так и с Западом, но во всемирную историю мы входим со своим багажом культурно-исторических ценностей. Прошлые и настоящее Великого степного пояса до сих пор самобытно и непонятно. Феномен кочевого мира заключается не только в уникальном характере его природной среды обитания и способов жизнеобеспечения. Главной структурной составляющей любого общества служит его этносоциальная организация, а движущая сила и энергия этноса зиждется на человеческом материале. Пока никто, к сожалению, не смог дать картину внутренних законов жизнедеятельности степных народов, не проведен анализ системы, которая многие тысячелетия служила главным субъектом и стержне-образующим фактором истории. В свою очередь мы глубоко убеждены в том, что внутреннее состояние этноса, его дух можно понять только по национальным источникам. В существующих историографических традициях живая структура степного сообщества заслоняется статичным образом «варвара», за которым отрицается самостоятельная роль во всемирно-историческом процессе.

Степное знание, привлеченное для осмысления этносоциальной организации казахов в вышеуказанных хронологических рамках, в корне изменило наши представления о начале казахского общества. В ходе дальнейших поисков я решил не останавливаться на XV веке и идти дальше. Все этносоциальные институты Казахского ханства и вообще кочевников ев-

разийских степей Нового времени берут свое начало с легендарного периода. Как это ни странно, не Жанибек и Керей, а легендарные Алаша-хан, Уыз-хан (Огуз-хан), Джучи-хан, Аз Жанибек-хан считаются первыми казахскими правителями. Меня не перестает удивлять необыкновенная живучесть мифических и исторических образов в казахском степном знании. Ведь время Алаша-хана, даже по самым поверхностным нашим представлениям – седая древность, энеолит, или же поздний неолит. Эта ситуация заставила меня выйти за рамки первоначального хронологического ориентира и искать корневую систему общественных ценностей казахов в дебрях тысячелетий.

Мое исследование не ограничивается родовой, т.е. степной территорией Казахстана, а выходит далеко за ее пределы. Часто я вынужден идти на этот шаг, следуя по пятам степных пассионарных групп, вторгающихся в лоно матриархальных, инертных и замкнутых цивилизаций Востока и Запада. В этом плане данная книга как бы открывает окно в мир кочевников Евразии, выявляет некоторые закономерности истории кочевых обществ Евразии, отмечает наиболее важные этносоциальные институты и формы этносоциальных связей.

ВВЕДЕНИЕ

В ранних описаниях истории времен Великого потопа кочевые народы-скотоводы выступали в образе положительного «доброго пастыря» человечества. «Каин принес от плодов земли дар Господу. И Авель принес также от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его. А на Каина и на дар его не призрел», - повествует Библия. Это был первый результат победы пастуха над дикой природой, победа, потребовавшая от него громадного усилия над собой, многолетней работы. И она была достойно отмечена и признана Господом, но одновременно омрачена завистью со стороны Каина, его единоутробного брата.

Поистине каиновская ненависть многих современных историков определяет их отношение к феномену кочевничества. «Время от времени они покидали свои земли и врывались во владения соседних оседлых цивилизаций... несмотря на нерегулярные набеги, на оседлые цивилизации, временно включавшие в поле исторических событий, общество кочевников является обществом, у которого нет истории», - писал А. Тойнби /232. - С.186/. Цивилизационная оценка А. Тойнби, оттеснившая кочевые народы к периферии мировой истории, поддерживается многими западными историками. «Надлежит еще заметить, что «варвары», которые и в самом деле опасны для цивилизаций, почти все относятся к одной разновидности людей: к кочевникам лежащим в центре Старого Света пустынь и степей. И только Старый Свет знал эту исключительную категорию «в составе человечества», - делает вывод Ф. Бродель. Включая степные народы в «состав человечества», он в то же

время отнимает у них всякое право оставаться полноправным действующим субъектом всемирной истории. Говоря о великих завоеваниях кочевников, Ф.Бродель отводит им роль паразитов: «В целом же речь идет об исключительном случае – случае паразитизма... случае почти абсурдном, невзирая на его огромный резонанс» /56. - Т.1. - С.112/.

Таким образом, понятие «кочевничество», в широком смысле слова, в историографических традициях претерпевает удивительный катаклизм, и носители этого образа жизни превратились из добрых пастырей в страшных паразитов человечества. Таковы превратности судьбы.

Кочевое общество Евразии нами изучено как в исторической динамике, так и в своих этносоциальных параметрах. Этот принципиально новый подход, апробированный в наших предыдущих исследованиях, позволяет рассматривать исторический процесс как сложную конструкцию во взаимосвязи и взаимодействии природы и человеческого сообщества. История этносоциальной организации не поддается визуальному анализу, поскольку она представляет общность, связанную узами генеалогических, экономических, территориальных, а также потестарно-политических отношений. Изучение этносоциальной организации кочевников Евразии в вышеперечисленных структурно-функциональных параметрах позволяет объективно описать историю и определить место этого образования во Всемирной истории.

Предшествующая историография истории Великой степи была преимущественно описательной, эмпирической и даже в теоретических подходах догматичной, в результате, сложные вопросы, связанные с необходимостью изучения внутренних законов функционирования общества, остались закрытыми.

Классическое отношение к истории со времен Рашид ад-Дина фактически не претерпело существенных изменений: «История состоит из записи и расположения в определенном порядке каждого необыкновенного положения и удивительного происшествия, которые редко случаются; /затем все/ это заносят в тексты тетрадей и на внутренние листы /книги/. Мудрецы

называют источник такого происхождения /и самое описание его/ историей данного обстоятельства; посредством этого они стремятся познать количество и меру времени. Соответственно с этим исторически определяется возникновение каждой нации и каждого государства. /211. – Т.1. – Кн. 1. - С.65/.

Для анализа этносоциальной организации, исследователь должен обратиться к более изысканным и сложным методам, системному подходу, позволяющим адекватно воссоздать прошлое. Системный подход, исходящий из апробированных структурно-функционалистических методов, выработанных на почве этнологических школ, позволяет строить мыслительные конструкции, позволяющие в той или иной степени моделировать традиционное общество. Он предполагает воспроизводство и построение модели традиционного общества кочевников путем скрупулезного изучения исторических материалов. В данном случае не готовые структуры накладываются на общество, а конкретные события и явления, изученные в плане воспроизводства основных связей /трансляции/, позволяют воссоздать модель общества.

Кочевое общество держится на разнообразных видах связи, которые выражаются как во взаимоотношениях и поведении людей, так и в серии невидимых узлов интеграционного характера. Это некое единство, организм, состоящий из различных артерий и коммуникативных узлов. На наш взгляд, наиболее существенные из этих форм связей, если их рассматривать в широком смысле: этнические, стержнем которых служат родовые и субэтнические отношения, хозяйственные, нередко понимаемые в нашей историографии как общинные, социальные, а также политические, административные, культурные. И именно рассмотрение этих связей входит в задачи нашего исследования.

В этой организации, субъектом взаимодействия является больше всего социальная группа, страты /род, племя, субэтническая группа/ и т.д., несущие в себе определенные функциональные нагрузки. Результатом взаимодействия

подобных групп является общество и его ценностные параметры.

Над действиями социальных групп обычно стоят и руководят ими определенные идеи или же ценностные представления. Последние, в конечном счете, составляют основной стержень духовного единения общества. Отсутствие объединяющих идей или каких-либо шкал ценностных представлений говорит скорее об отсутствии общества, или же об его глубоком кризисе. В этом плане нами предпринята попытка анализа мощной базы единения казахских племен. Здесь своеобразным символом, а также мощным началом единения служат легенды, связанные с именем Алаша-хана. Внутренний порядок и сосуществование в среде Великой степи многочисленных племен связаны их верой в свое происхождение от легендарного Алаша. В данном случае эти легенды одновременно служат и национальной идеей. Жизнелюбие казахского этноса, стабильность государственного строя, сохранившиеся и выдержавшие испытания на протяжении нескольких столетий – заслуга этой идеи.

Изучение кочевого общества через анализ различных форм социальных коммуникаций и связей представляет самые серьезные трудности. Вместе с тем, отношение к обществу, как к целому и живому организму, облегчает исследовательскую задачу, поскольку отношение к функционально организованному предмету определяет ход исследовательской работы.

Кроме основной национальной идеи ценностной ориентацией казахскому обществу служит целый ряд культурных традиций. Казахское общество вобрало в себя много важного из наследия Золотой Орды, а также из многотысячелетнего наследия степных народов Евразии. Вместе с тем, оно уже с первых дней независимости начало вырабатывать свои эталоны ценностей. Это случилось в первую очередь потому, что реальность Евразийского мира была уже не в их пользу. Огромная империя тюрко-монголов распалась, и перспектив ее возрождения оставалось все меньше и меньше, т.к. все более усилива-

лась западная цивилизация. Поэтому Казахское ханство, созданное в середине XV в., изначально было национальным и, в некоторой степени, унитарным политическим организмом.

Структура этносоциальной организации, как стержня общественной системы казахов, складывается из взаимодействия различных социальных групп /родов, племен и т.д./. Именно участие в общественной жизни обеспечивает ролевые статусы каждой конкретной социальной группы. Во взаимодействии социальных групп определяются также социальные нормы поведения. Эпоха образования государства у казахов является периодом, когда традиционные нормы кочевого общества, общепринятые ценности, преломляясь через действующие реалии, прошли процесс институционализации, т.е. закрепились как обязательные для существования общества.

По всей вероятности, первоначально сформировалась внутренняя иерархическая структура племен, вошедших в казахский союз. Основное ядро племен объединилось в государство под флангом верности традициям Алаша-хана, эпоха которого соответствует культуре самого раннего этапа Великого степного пояса.

В самом названии этого этнообразующего ядра звучит древность. Алаша-хан – олицетворение начала государства, начало тюрко-монгольского мира, начало величия степного мира Евразии.

А.П. Чулошников в своей книге по истории Казахстана, посвятивший специальный раздел историческим преданиям об Алаша, пишет: «Остается рассмотреть теперь последнюю и особенно интересную группу исторических легенд, ценных для нас потому, что в них нашла свое выражение действительно древнейшая народная традиция о своем прошлом. Большинство из них, как мы выше указали, связано с мифической личностью Алача» /254. – С.259/.

Присутствие в устной традиции кочевников Евразии символов, связанных с именем Алаша, – одна из причин, заставившая нас обратиться в седую древность. В ней выделены нами

несколько условных этапов, совпадающих по своим параметрам как с изменениями природно-климатических условий географической среды, так и с внешними влияниями. Раннюю историю степных народов отличает активное участие в этнополитической, а затем и этнокультурной жизни Евразийского континента и, в особенности, Востока. Периодически степные племена /или элитные группы/ глубоко вторгаются в оседло-земледельческие регионы Старого Света, достигая северных окраин Африки, Индокитайского полуострова и Атлантического океана. Мощное структурообразующее влияние они оказывают на более внутренние оазисы. Под перманентным воздействием степных народов находились Месопотамия, Восточная и Южная Европа, Северная Индия, Северный Китай. Одними из баз концентрации сил являются территории Средней Азии /Туран/, Северного Причерноморья, Семиречье и Восточный Туркестан. Трудно точно определить начало господства степных народов в Евразийском мире. Материалы позволяют говорить о постоянном пастырстве степняков в последние пять тысячелетий. Это господство на континенте продолжается до эпохи Великих географических открытий и знаменует свой конец распадом Золотой Орды.

Пастырство иногда понимают у нас однобоко, в смысле военного превосходства кочевников над оседлыми народами. Оно же предполагает разовость и непродолжительность, то есть кратковременность актов. В самом деле, господство и доминирование предполагают в широком смысле верховенство кочевников во многих аспектах и, в особенности, в политическом и духовном. В то же время, по отношению к населению оседлых цивилизаций их завоеватели были мизерны в численном отношении.

Время образования Казахского государства совпало с началом кризиса Великого степного пояса. В этот период заметно сужается обширное пространство, на котором кочевники могли до этого беспрепятственно обитать, ограничивается сфера влияния этой доминантной силы. Основное противодействие

оказывается с Запада, который в неумолимом движении на Восток берет на себя функции, тысячелетиями находившиеся у властителей степного мира. С XV в. кардинальным образом меняется соотношение сил в Евразийском континенте и, следовательно, отношения между Востоком и Западом.

Но интересная деталь – нет прежней вольности и бесконечности пространства, чувства господства над временем и власти, признаваемой в мире. Время неумолимо диктует свое, но, наперекор этому, из глубин Великой степной зоны вновь и вновь ощущаются толчки, постепенно ослабевающие и исчерпавшие себя к концу XVIII в. В XIX в. происходит кардинальная катастрофа – переход к новой системе ценностей и полное признание того, что уже диктуется противоположной стороной. Но, тем не менее, вплоть до начала XX в. в степи присутствует обессиленный, но бунтарский дух, выразившийся в повстанческом движении 1916 г., в политическом движении «Алаш» 1917-1920 гг., в многочисленных восстаниях кочевых групп казахов против различных силовых и репрессивных мероприятий Советского государства 30-х гг.

Мы исходим из того, что исторический процесс невозможно объяснить на фактологических материалах, на цифрах, поскольку движущей силой истории является дух, выражающийся в различных идеях. Носителями этих идей и духа выступают вполне определенные этносы, этнокультурные образования и т.д.

Обращение к этносоциальной структуре не избавляет историка от всех трудностей, она не панацея от всех проблем. Эта структура не указывает конкретно на причины и формы движения истории, но в то же время позволяет максимально близко рассмотреть ход истории, основные контуры исторического процесса и, главное, почувствовать дух исторического времени. Она показывает действующий субъект того процесса более отчетливо, чем все остальные пути познания истории. Такова сегодняшняя реальность в развитии научной мысли.

Глава I

ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКИ

1. Проблемы историографии и методологии

Большинство людей привыкли воспринимать историю как поток различных изменений, событий и явлений. И в самом деле, человеческая деятельность создает определенные серии фактов, весь материальный мир в движении. Фактов очень много, человеческая деятельность многогранна и разнообразна, а исследовательская возможность историка ограничена, и не в состоянии охватить весь арсенал эмпирического материала.

С другой стороны, потенциальные возможности исторических знаний ограничены по очевидной причине: ни один из профессионалов-историков, исключая, конечно, «дилетантов», не в состоянии знать во всех подробностях не то что мировую историю, но даже историю одного небольшого государства. В зависимости от фактологического материала у каждого ученого складывается свое видение, своя картина истории.

Более того, в зависимости от наличия фактологических материалов, исторической, общественной ситуации, представление и оценка истории у каждого профессионала меняются. Те «образы» истории, которые сформировались сегодня и на какой-то миг создают иллюзию завершеного и окончательного, завтра могут потерять всю логику и цельную конструкцию.

Смысл истории состоит в том, насколько человек вбирает из нее познавательный материал и ценностную ориентацию. При этом не исключено, что знание конкретных фактов имеет в некоторых случаях более объективный характер, нежели знание целого. В этом заключается роль истории как объективного духовного начала. В конечном счете, объективность истори-

ческого труда заключается в ее соответствии к реалиям прошлого. А когда это почти невозможно, то осознание духа истории является главным ориентиром.

Вместе с тем, второе не отрицает первое. Видение истории не обеспечивается анализом духовного состояния прошлого /духовных помыслов общества или же отдельного индивида/. Цель исторического исследования заключается не только в описании психологии общества /социальная психология/. Историк должен стремиться к воссозданию подлинной картины истории со всем присущим ей разнообразием красок, восстановлением фактов с точным описанием событий и т.д. Знание духа облагораживает материал, придает ему целостность, позволяет увязать отдельное событие с общечеловеческой историей, и, что немаловажно, оживляет прошлое.

Исследовательская практика, когда она не связана с простым эмпирическим описанием, направлена на разработку форм истории, в которых протекает исторический процесс. Это достигается путем упорядочения и систематизации фактов, знанием этносоциальной организации. Определяющую роль при этом играет подготовка исследователя, его объективность и умение критически рассмотреть собранный им фактический материал. Историк общества должен быть нацелен на анализ субъектов исторического прошлого, т.е. его интересуют функции различных социальных институций, политических учреждений, экономических составляющих, а также деяния отдельных личностей. Без четкого определения функций субъектов исторического процесса невозможно воссоздать историю. В функциях заключается действующий механизм истории.

Следующий этап в исследовательской работе предполагает поиск связей и реконструкцию их. Во-первых, связь между событиями, во-вторых, связь между субъектами исторического процесса, в-третьих, связь между носителями отдельных функций, связь между различными формами движения истории. В данном случае определяется причинная зависимость между событиями и зависимость второстепенных от кардиналь-

ных форм движения истории. Суть заключается в том, что посредством многочисленных узлов связей держится единство общества, государства, этноса и человечества.

Этносоциальная организация любого человеческого образования – это, прежде всего, переплетение множества форм коммуникаций. Все аспекты социальной жизни образуют сложный комплекс связей, обеспечивающие нормальное функционирование общества. Выявляя различные формы движения истории и проводя реконструкцию связей между ними, мы осознаём прошлое как совокупное движение материального и духовного начал. Только так можно понять историческое прошлое. И ни один из аспектов этого прошлого, будь это экономический, политический или религиозно-духовный, сам по себе не существует. Только в совокупности с другими аспектами удаётся проанализировать прошлое любого из явлений.

В политической истории формы несколько заранее предопределены, поскольку исследователь имеет дело с различными государственными учреждениями, правящими династиями и политическими событиями. В сущности, историческая наука в своем развитии всегда больше увлекалась политической историей. Как говорил К.Поппер: «они /люди-Ж.А./ говорят об истории человечества, однако на самом деле то, что они в основном имеют в виду и изучают в школе, представляет собой историю политической власти» /199. - Т.2. - С.311/. К сожалению, такая тенденция является господствующей и по сей день. Повествовательный характер истории, в чем сегодня обвиняется историческая наука, ориентирована на изучение морфологии общества /благодаря доступности политической истории/.

В то же время в оценке политической истории Великого степного пояса Евразии мы сталкиваемся с массой проблем. В первую очередь, они возникают по причине отсутствия самой главной формулы – дефиниции кочевого политического образования. Прежде всего, вопрос касается содержания этого понятия, формы и стадияльной принадлежности. Реальное состояние кочевого общества, как политико-правовой системы в

виде различных государственных образований и империй, рассеяно в многочисленных определениях, часто абсолютно противоречащих друг другу. Научная литература изобилует различными вывесками политико-правовой системы степных народов, твердящих о патриархально-родовом, раннефеодальном, предклассовом или же классовом феодальном характере государства. В последнее время перед этим интересным зданием появились и вовсе премудрые названия типа «параполитарно-доминомагнатного».

Это является следствием сведения всего разнообразия реальной истории человечества к европоцентрической схеме, в соответствии с ее формационной характеристикой, с теорией классовой борьбы. Это – результат идеологии, сводящей начало государственности к прибавочному продукту и антагонизму классов. В этой связи пора признать, что «единой истории человечества нет, а есть лишь бесконечное множество истории» /199. – Т.2. – С.312/

Изучение этносоциальной структуры позволяет понять специфику исторического движения отдельных политических образований, достойно оценить их прошлое и притом не замыкаться в эмпирике, нагромождение которой заслоняет реальную картину истории.

В экономической истории близость к жизни гораздо ощутимее, чем в политической. Продуктом научного анализа становятся в первую очередь скотоводство, земледелие, ремесло и т.д., напрямую связанные с социальными устоями жизни. Подлинные проблемы экономической истории предполагают выработку и поиск формы и структуры движения истории человечества. Хозяйственно-культурные процессы, представляя по сути явления социального характера, позволяют четко улавливать малейшие изменения в системе. Вместе с тем в научном инструментарии нашей историографии сформировались некоторые абстрактные понятия, накладывающие в любую хозяйственно-культурную общность, независимо от принадлежности, стадиональности этой системы. К такому роду высшей абстракции относится, например, понятие общины.

Первоначально, община рассматривалась только в качестве поземельной организации. Самый наглядный пример представляет нам А.А.Кауфман в предисловии своего известного кочевниковедам труда «К вопросу о происхождении русской земельной общины»: «И вот на помощь нам, при установлении генезиса русской земельной общины и русского общинного права, является «метод переживаний», является «живая история общины», изучение типов и эволюций землевладения и землепользования, как эти типы могут быть наблюдаемы в настоящее время, как эта эволюция происходит в наших глазах» /126. – С.5/. Эта выдержка из книги А.А.Кауфмана недвусмысленно говорит об одном: община рассматривалась в связи с хозяйственной организацией, т.е. в экономическом плане, и здесь ни одним словом не говорится об общине, как о целостном социальном организме. Это был нормальный подход в решении проблем изучения традиционного общества. Общинная тема стала ортодоксальной только в связи с усилением роли марксизма в России, когда хоздетерминистический подход к истории стал доминирующим. В связи с этим постепенно из поля зрения исследователей исчезли человеческие внеэкономические отношения внутри этносоциальной организации.

Понятие «общины» в широкий научный оборот ввели исследователи-экономисты в начале XX в. в связи с изучением особенности землепользования казахов. В тот период исследователи неизменно подчеркивали ту прямую связь, которая имела место между хозяйственной деятельностью и родом. «Эти небольшие группы лиц, - пишет Л.К.Чермак, имея в виду родовое подразделение казахов, - имеющие в своем пользовании известную территорию пастбищ и других угодий, обособленную от соседних пространств естественными различными признаками, а иногда и искусственными сооружениями в виде ям, кучей дерна, пирамидок из камней, связаны между собой принадлежностью к одному родоначальнику и образуют земельно-родовую группу» /252. – С.232/.

Так, земельно-родовая община по единодушному мнению исследователей /Л.Чермак, А.Букейханов, Ф.Щербина и др./

считалась верховным хозяином земли, в отдельных случаях она санкционировала переход хозяйств от раздельного пользования пастбищами к совместному, и полному уничтожению границ между отдельными хозяйствами. То, что эта община была построена на родовых принципах, доказывает и то, что даже зятья, принятые в отдельные дома, при дележе /например, покосов/ не принимались в расчет. Но в начале XX в. родовые отношения и родовой быт изучались сами по себе, т.е. вне общины, что и было, на наш взгляд, правильным подходом.

В 50-60-гг. XX в. в исследовательской практике община стала применяться очень широко, подчас заглушая и заменяя понятия «родового начала» и т.д. Но в целом ее определения оставались те же. «Эти группы хозяйства, - пишет о традиционном родовом коллективе казахов В.Ф.Шахматов, - члены которых были объединены между собой родством и соседством и правом совместного владения и пользования одними и теми же пастбищами» /256. – С.45/. Существенным здесь было то, что исследователь распространил термин «община» на чисто кочевое родовое подразделение.

Но постепенно исследователи казахского общества забывали первую составляющую общины /т.е. родство/ и стали выпячивать вторую /т.е. соседство/. «Некоторые исследователи, верно, считали совместное кочевание и общие хозяйственные интересы признаками кочевой общины», - пишет С.Е.Толыбеков. Рациональность научной методики состояла как раз в признании общины как хозяйственной единицы. Но «общинное землепользование выходило далеко за пределы подобных кочевых общин, оно распространялось на всю кочевую территорию ряда крупных родов и племен», - оговаривает данное положение С.Е.Толыбеков. Основная ошибка С.Е.Толыбекова заключалась в том, что он фактически не понимал специфику и сущность родовых отношений кочевников. Это неплохо иллюстрируется его следующим высказыванием: «Вследствие огромных размеров казахских родов, классовой дифференциации в них по отношению к ним нельзя применять понятие «род» как

понятие «общинного родового строя». Внутри казахских родов существовали классы и шла острая классовая борьба» /237. – С.513/. Таким образом, реальные, действующие очертания родового подразделения, хозяйственной микроединицы кочевого общества, затерялись в пространных научных рассуждениях о кочевой общине. Попытка доказать явное несоответствие принципов родства как основы социальной системы, реальным факторам совместной хозяйственной деятельности в кочевом обществе было основным итогом научной историографии 70-х годов. Выделенные С.Е.Толыбековым основные признаки кочевой общины /совместное кочевание, общие хозяйственные интересы/ позднее стали доминирующими. Это четко выражено в определении, данном казахской общине Масановым Н.Э. «...община представляла собой кооперацию трудящихся индивидов по поводу всего производственного цикла, то функционирование производственных групп обуславливалась совместной трудовой деятельностью по поводу отдельных элементов системы материального производства»*. Таким образом, из содержания понятия «община» была выброшена самая основная цементирующая часть – родство, взамен чего было предложено пустое словосочетание «кооперация трудящихся индивидов». Потребовалось ровно 100 лет, чтобы окончательно исказить смысл понятия «земельно-родовая община».

В последние десятилетия в этнологической науке стало характерно расширительное толкование и применение этого понятия /община/. Можно сказать, что она приняла всеобъемлющий характер, поглощая функции рода, семьи и других элементов социальной организации. Современное определение

*Дальше у Масанова Н.Э. в развитии этого хоздетерминистического определения присутствует сильно противоречащее сказанному предложение: «Это своего рода микромир и макрокосм, социум /это об общине - Ж.А./, в котором конституируется вся социальная жизнь индивида, обеспечивается его жизнедеятельность и бытие» /175. - С.137/. С критикой «небезупречной с политэкономической точки зрения логики аргумента» Н.Э. Масанова выступил Н. Алимбай /17. – С.12/.

общины перекрывает все основные формы социальной организации, типологически разнородных социальных институтов и систем.

Примеров подобного применения этой категории много. Обратимся к книге С.А.Маретиной «Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии»: «... в качестве верховной организации у горных народов выступает община. Для горного жителя община – средоточие всей его социальной, экономической и политической жизни, его микро- и макромир, в котором он живет, трудится, участвует в ритуале, где точно определен его социальный статус – он знает с кем дозволен брак, кому он должен помогать во время сельскохозяйственных работ» /169. - С.25/.

Община как единица и механизм землепользования, генеалогические отношения как механизм регулирования социально-экономической деятельности в первичных ячейках общества, в данном случае отступают на второй план. Община раньше рассматривалась как макросистема традиционного общества, которая реализовывалась в виде сосуществования двух различных форм связей: генеалогической /кровнородственной/ и производственной /хозяйственно-культурной/. В указанных аспектах шли и исследовательские поиски проблем общины в нашей историографии.

О неформальном, а скорее функциональном /корпоративном/ характере хозяйственных интересов, служивших основным побудительным мотивом образования социальных группировок, говорилось и в более ранних историографических традициях. Многие исследователи подчеркивали нелепость выпячивания только одной формы связи. «Было бы нелепо приписывать какой-либо одной из них первенствующее или исключительное влияние на возникновение столь сложного общественного строя», - пишет К.Н.Старке /225. – С.129/. Основу этносоциальной организации казахов составляют родовые ячейки и родовые отношения. Поэтому ее структура по существу воспроизводит структуру генеалогического древа, хотя

родовые единицы больше представляют собой политические союзы. М.Ковалевский, рассматривая причины и ход разложения общинного землевладения, дал описание подобного состояния: «...таким образом, род перестал быть обширной семьей и сделался не больше как агломератом всех поселений, расположенных на родовых землях, какой-то конфедерацией палаток, конфедерацией с более чем прежде официальным и политическим характером» /131. – С.220/.

С понятием «община» происходит парадоксальная вещь. Ее первоначальное значение уже забыто. «Вероятно, количество существующих в исследованиях научных дефиниций об общине столько, сколько самих этносов», - пишет Н.Алимбай /17. - С.10/. Не означает ли это разнообразие бессмысленность употребления в дальнейшем этого понятия, сущность которого не имеет адекватного признания со стороны специалистов по традиционному обществу. Есть ли смысл и дальше экспериментировать в этой области, не лучше ли вернуть понятию «община» свое первоначальное предназначение и не заменять ею социальную организацию. Социальная организация и без общины есть социальная организация. Системный подход не должен накладывать понятие общины на социальный организм. Община и общинный механизм регулирования социальной жизни всегда изучались в рамках этносоциальной организации.

Казахское общество – это общество родов, родовых порядков, в котором абсолютно господствуют принципы генеалогического /мнимого/ и кровного родства, как основополагающие условия функционирования этносоциальной организации. От того, что мы назовем всю эту сложную конструкцию ныне популярным термином «община», на наш взгляд, кроме неразберихи, никакого результата это не принесет. Вряд ли можно согласиться и со следующим утверждением о том, «что «семипоколенная» социальная структура обладает всеми отмеченными выше автономными жизнеобеспечивающими структурно-функциональными параметрами – социокультурными, экономическими, этноэкологическими, институциональными и т. п. – и в

таком качестве функционирует как общинная организация» /177. - С.43/.

Насколько позволяют судить наши этнографические материалы, «*жеті ата*» - понятие достаточно условное. Для всех родовых единиц характерна тенденция к расщеплению на сегменты, к объединению снова в родовой союз. В основе всей общественной, социальной организации находится система родственных отношений. В реальной жизни «*жеті ата*» – один из таксонов родства /как «*уш ата*», «*он ата*»/. Некоторая институализация «*жеті ата*» связана с экзогамным запретом, но в реальной жизни этот запрет мало влияет на формирование общинной структуры.

В связи с универсализацией компетенции общины, не обеспеченными терминологическими понятиями остаются «хозяйственный аул, аульно-общинная группа» /в материалах Щербины, Букейханова/. Современный термин «минимальная община», вероятно, обозначает общинно-аульную группу, выделенную из социальной жизни в конце XIX – начале XX вв. Алимбай Н. связывает возникновение и формирование этого своеобразного явления эпохи кризиса кочевничества с понятием «адаптивной стратегии». Хозяйственный аул представляет собой специализированную организационную форму адаптивной стратегии жизнедеятельности номадов, точнее, генерализованную адаптивную функцию кочевой общины в холодное время года» /17. - С.43/.

Социальное в истории человечества, прежде всего, является предметом изучения исторической науки. При этом историческая наука изучает не столько отдельные социальные явления, сколько социокультурные феномены, каждое явление в их собственной разительной значимости как неповторимое и уникальное во времени и пространстве. В этом и состоит различие в предметных областях истории и социологии. Последняя рассматривает социальные явления /события и факты/ как парадигма. Социология изучает свойства надорганики /выражение П.Сорокина/, куда относятся наука, философия, религия,

этика и другие явления, где применяется и проявляется сознание, т.е. те области, где люди взаимодействуют друг с другом и его порождением, т.е. культурой. Именно культура является носителем надорганических ценностей.

С другой стороны, любая организованная группа обладает культурой с ее составными элементами: правовыми, моральными ценностями и т.д. Следовательно, история не столько изучает социальные явления и факты, а сколько культуру в широком смысле этого слова. Общество и культура не могут рассматриваться отдельно друг от друга, т.е. в отрыве. «Неадекватна любая теория, которая концентрируется лишь на одном из них, исследуя социокультурный мир», - пишет П.Сорокин, изучая взаимодействие личности, общества и культуры как неразрывной триады /224. - С.218/.

В изучении социальной структуры традиционного казахского общества чрезвычайно важную роль играют базовые носители культуры и, прежде всего, родовая организация. К сожалению, исследовательская практика оперирует в отношении этого феномена механическими и абстрактными категориями, увы, незаслуженными. Без изучения и привлечения правовых, морально-этических традиций невозможно выяснить всю роль этого базового элемента социальной организации казахского общества.

В наше время огромное количество исследовательских проектов по традиционному казахскому обществу /и кочевникам Евразии/ спокойно обходят родовые институты и сам род /ру/. Нередко встречаются заявления типа: «рода нет и никогда не было в природе, но был и до сих пор есть у некоторых народов генеалогический счет родства» /175. - С.132/. При этом исследователи, вероятно, забывают, что сам по себе генеалогический счет родства есть производное от рода /ру/. Вся отечественная историография по истории кочевничества во все годы Советской власти, да и сейчас, фактически игнорирует наиболее мощное явление общественной системы номадов - родовую организацию, являющуюся генерализующей по отношению ко